

КУЛЬТУРА ПЕРЕВОДА ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТОВ: ТИПОЛОГИЯ, СТРАТЕГИЯ

Н.В. Бевз, канд. филос. наук (Харьков)

Предлагается сравнительный анализ разных видов текстов и их переводов, а также разных лингвистических подходов к переводным текстам. Философский текст, в зависимости от своего типа предполагает знание и практические умения работы с текстами формализованного характера (например, такими являются тексты по логике), аналитическими текстами или поэтическими текстами. Специфика философского текста – активизация коммуникативного сознания переводчика, поскольку он сам внутренне активно коммуницирует с различными типами текстов.

Ключевые слова: виды текстов, коммуникативное сознание, перевод, переводчик, философский текст.

Бевз Н.В. Культура перекладу філософських текстів: типологія, стратегія. Пропонується порівняльний аналіз різних видів текстів та їхніх перекладів, а також різних лінгвістичних підходів до перекладних текстів. Філософський текст, залежно від свого типу передбачає знання та практичні уміння роботи з текстами формалізованого характеру (наприклад, такими є тексти з логіки), аналітичними текстами або поетичними текстами. Специфіка філософського тексту – активізація комунікативної свідомості перекладача, оскільки він сам внутрішньо активно комунікує з різними типами текстів.

Ключові слова: види текстів, комунікативна свідомість, переклад, перекладач, філософський текст.

Bevz N.V. Translating Culture of Philosophical texts: typology, strategy. The comparative analysis of different types of texts and their translations and also different linguistic approaches to translated texts are offered in this article. Philosophical text depending on the type can require knowledge and practical abilities of work with texts of the formalized character (for example, such are texts on logic), analytical texts or poetic texts. Specifics of philosophical text is that it requires activation of communicative consciousness of translator, because translator actively communicates with other types of translating texts.

Key words: communicative consciousness, philosophical text, translation, translator, types of the texts.

Целью данной статьи является раскрытие и анализ коммуникативно-герменевтической специфики философского перевода в смысловом поле культуры; раскрытие понятия многомерности переводческой культуры, которое предполагает лингвистическое и коммуникативное мастерство.

Объектом исследования является культура перевода философских текстов, его предметом – переводческие типологии и переводческие стратегии философских текстов.

В современной лингвистической теории перевода большое внимание уделяется разработке типологий текстов с целью детального анализа переводческих проблем и совершенствования культуры перевода. В этой связи нас интересует не

столько полное изучение имеющихся типологий, сколько место философских текстов в них и, соответственно, степень изученности специфики их перевода. По мнению В. Виноградова [1], существует шесть основных функционально-стилевых типов текстов: 1) разговорные (разговорно-бытовые, разговорно-деловые и др.), которые выполняют функцию общения, реализуются в устной диалогической форме и ориентируются на определённую коммуникацию; 2) официально-деловые (государственные, политические, дипломатические, коммерческие, юридические и тому подобные документы), основной функцией которых является сообщение; они существуют в письменной форме, которая в некоторых видах документов бывает

сравнительно жестко регламентированной; 3) общественно-информативные (содержат самую разную информацию, проходящую по каналам массовой коммуникации, газетам, журналам, интернет ресурсам, радио и телевидению), задача которых – формирование общественного мнения, где функция сообщения остается основной; 4) научные (специальные и научно-популярные), которым присуща функция сообщения и ориентация на логически последовательное, объективное и доказательное изложение содержания; 5) художественные (художественная литература, литературная критика и публицистика), в которых синтезируются взаимосвязанные текстообразующие функции (функция воздействия, эстетическая функция и др.) и приобретают новую, эстетическую функцию; 6) религиозные (канонические книги Священного писания, апокрифы, Жития святых, проповеди, теологические сочинения).

А. Фёдоров предлагает следующую типологию текстов в рамках теории перевода: газетно-информационные и специальные научные тексты; общественно-политические, публицистические тексты и ораторская речь; художественные тексты [12].

В статье Катарины Райс “Классификация текстов и методы перевода” [2] предлагается следующее деление: а) тексты, ориентированные на содержание (сообщения прессы, репортажи, коммерческие тексты, официальные документы, учебная и специальная литература, отчеты, трактаты, гуманитарные, естественнонаучные, технические тексты и т.п.); б) тексты, ориентированные на форму (художественная проза, поэзия, эссе, жизнеописание, и т.п.); в) тексты, ориентированные на обращение (реклама, агитация, проповедь, пропаганда, полемика и т.п.); г) аудио-медиаальные тексты (радио- и телепередачи, сценические произведения, все тексты, которые сопровождаются внеязыковым оформлением, исполнительским, музыкальным, декоративным и т.п.).

Рассмотрение существующих лингвистических типологий можно было бы продолжить, но в данном случае этих образцов вполне достаточно, так как они отражают ту тенденцию, которая ха-

рактерна для современного состояния лингвистической теории перевода. Речь идет о включении философских текстов либо в разряд научных, либо в разряд общегуманитарных. Если же философские тексты отождествляются с научными либо гуманитарными, то на них автоматически распространяется и соответствующая методология и методика перевода. Без достаточного определения философские тексты как бы “растворяются” в массе других текстовых источников. В таком случае, если на философские тексты некритично распространять характеристики художественного либо научного текста, то философский текст окажется несовершенным художественным либо несовершенным научным текстом.

К сожалению, в лингвистической теории перевода не содержится чётких рассуждений относительно специфики философского текста, а при случае используется метод аналогии для облегчения задачи переводчика. Типология *собственно философских текстов*, в философской литературе, перекликается с вышеупомянутой тенденцией. Так, различают два вида философских текстов: аналитические, требующие простого (прямого) понимания, и выразительные (поэтические), требующие истолкования [4]. *Аналитические тексты* отличаются тем, что текст и объект в них едины, а *выразительные* передают некое состояние, которое внушается читателю посредством языка, как например, тексты экзистенциалистов. В этом проявляется сходство философских выразительных текстов с художественными.

На первый взгляд, эти подходы могут показаться простым пересечением, где реализуется принцип взаимодополнения. Непреднамеренное “игнорирование” лингвистами специфики философских текстов связано с тем непреодолимым барьером, который существует между этими областями знания. Лингвистическое понятие текста, его происхождение и функционирование значительно отличается от философского понимания текста. Это же касается и вопроса обоснования их специфики. Лингвисты отмечают, прежде всего, “расширение” смыслового поля и объясняют это “расширение”

посредством обнаружения формирования философской абстракции в критике. Однако анализ этого типа текста не удаётся предпринять с помощью одних только лингвистических средств. Так, М. Мамардашвили отмечает, что в выразительных текстах внушение осуществляется с использованием культурных символов, которые включают определённый ряд переживаний, заключённых в человеческой памяти благодаря жизненному опыту. Для того, кто не пережил этот опыт, данный символический ряд не будет понятен. В этом случае философ использует метод культурно-контекстуального анализа применительно к философскому тексту, включает в своё рассуждение знания из области философской герменевтики, философии сознания, философии языка, и т.п. Это позволяет утверждать непрямой (косвенный) способ понимания текста и отвлечься от претензии на буквальный перевод-интерпретацию.

Согласно М. Мамардашвили, аналитические тексты могут быть сложны своим понятийным аппаратом при ясности объекта описания. “Есть некоторые философы, – писал М. Мамардашвили, – чтение которых вызывает ложную мысль читателя, что он явный кретин. Тексты Канта относятся именно к этой категории. Но, преодолев трудности своего слабоумия, мы всё же понимаем, что его тексты есть описание, пускай сложное, некоторого объекта, предмета мысли, который содержится в самих текстах” [4, с. 110]. Таким образом, специфика аналитического философского текста заключается в том, что философское текстообразование совпадает с предметом текстового воплощения: в философском тексте предмет мысли подчиняет себе текстовую стратегию, и тогда текст сам становится предметом мысли. Выразительные тексты М. Мамардашвили ещё называет “проповедями” или “посланиями”. В них большее значение имеет фактор языковой выразительности. Если такой текст остаётся непонятым, то вслед за М. Мамардашвили можно назвать его “марсианским текстом”. Переводческие стратегии при работе с философским текстом вырабатываются ситуативно в зависимости от типа самого фило-

софского текста. Так, например, если переводчик работает с аналитическим философским текстом, то он будет, скорее, руководствоваться рекомендациями относительно перевода научных текстов, а если переводить предстоит выразительный философский текст, то в качестве условной модели им будет принята модель перевода художественного текста. Однако, ни одна из указанных моделей не может быть в полной мере применима. Подобная стратегия перевода может быть использована в качестве отправной, на базе которой будет формироваться собственно философский перевод.

Произведём некоторые аналогии перевода философских и нефилософских текстов в плане поиска общего и отличительного, особенного. При переводе художественного текста особое значение уделяется первому предложению, которое является своеобразным литературным камертоном, задающим тональность всего произведения. Также и многие философские тексты открываются метафорой, афоризмом, либо имеют эпиграф. В силу многозначности, подобные выражения не поддаются буквальному переводу, но при этом они в концентрированном виде передают основную идею философского произведения. Вместе с тем, есть и существенные отличия в отношении к ссылкам в этих типах текстов. В художественном переводе допускается игнорирование ссылки в том случае, если ссылку на известное автору имя собственное или географическое название нигде не удастся найти. В художественном переводе (причём, только в художественном и ни в коем случае не в научном или техническом, а тем более – в философском) это имя или название можно совсем не приводить, а заменить подходящим по смыслу понятным читателю обобщением. Для философского текста, напротив, система ссылок устанавливает прямую либо косвенную связь с традицией либо авторским текстом, включая его в культуру философского дискурса. Игнорирование ссылки в философском тексте значительно понизило бы культурный уровень авторского текста при переводе и считалось бы грубым искажением. При переводе речи героев в художественном произведении нужно

решить не столько переводческую, сколько актерскую задачу – найти прототипы персонажей и попытаться передать их манеру разговора. В философском тексте таким “героем” является предмет философского рассмотрения, для которого также должен быть избран адекватный язык. Герой художественного произведения воссоздается по аналогии с человеческим прототипом, т.е. прагматически, а философский предмет как “прототип” имеет самого себя в качестве “первоначальной” абстракции в историко-философской ретроспективе. Такие прототипы при переводе и художественного, и философского текста встречаются чаще всего в философии и культуре древней Греции, а иногда и в более поздний период. Обоснованность выбора того или иного прототипа и принятия решения по какому-либо переводческому затруднению в художественном переводе определяется теми базовыми знаниями и знаниями жизненного опыта, которые выходят за пределы принятой лингвистической информации, иными словами, находятся вне переводческого текста. Это и обуславливает, с одной стороны, индивидуальный характер перевода, а с другой – представляет определённый переводческий риск, поскольку выход за пределы самого текста должен всё же осуществляться без потери интуитивной с ним связи.

Как известно, переводчик художественной литературы оперирует образами, а не лексическими единицами, и только в отношении тех переводов, которые не нарушают стилистических и прочих норм литературного языка. Переводчик философского текста должен руководствоваться интеллектуальной интуицией, но для её возбуждения следует подняться на необходимый уровень абстракции, который диктует сам текст. Особую сложность для художественного перевода представляет перевод диалогов, в то время как для философского перевода – текст философской дискуссии с одной стороны, а с другой – диалог с философской традицией. При этом необходимо отметить, что понятие диалога в этих видах текста является широким (диалог персонажей художественного текста, диалог философов в виде текстовых цитат и диа-

лог с традицией, диалог культур). Перевод диалогов персонажей художественного произведения осуществляется по следующей схеме: дословный перевод реплики персонажа – обобщенный смысл сказанного – окончательный перевод (интерпретация) с учетом речевой характеристики персонажа и обстоятельств диалога. Для художественного перевода необходимо определить образ предмета, понятие о предмете. При переводе художественного текста необходимо поддерживать постоянный баланс между иностранным колоритом (стилем) и нормами литературного родного языка. По словам Г. Мирама, “переводчик художественной литературы напоминает шофера на сложной трассе, уставленной предупреждающими и запрещающими знаками” [5, с. 133]. Например, переводя с английского, нужно следить, чтобы ваш перевод не повторял структуру английского предложения, чтобы “Энеида” Вергилия не превратилась в “Энеиду” Котляревского. Таким способом, в частности, сохраняется в переводе стиль и дух оригинала. Такие же стилистические нормы должны быть и по отношению к философскому переводческому тексту. Так, например, если в тексте есть метафоры или афоризмы, то необходимо найти им соответствующие формы в родном языке, а не рационализировать выразительное место. При детальном рассмотрении этого вопроса проблема рационализации переводческого текста открывается как многоуровневое отношение. Рационализация необходима и при первичном ознакомлении переводчика с авторским текстом для уяснения авторской идеи (первом чтении), и для понимания наиболее сложных фрагментов текста. Рационализация присутствует и при работе с художественным, и, конечно, философским текстом. Однако степень активности рациональной способности человека обуславливается не только познавательной необходимостью, но и степенью рациональности авторского языка и текстовой конструкции. Если в художественном тексте переводчик “*читает образы*”, то в философском тексте он “*читает мысли*” автора. Это и определяет различия в степени рационального отношения к текстам в процессе

переводческой деятельности. От этого, в частности, зависит и степень свободы при переводческой интерпретации текста. Свободное отношение к миру художественных образов означает возможность замены языковых знаков, которые могут изменить колорит образа, его характер, тогда как свободное отношение к миру абстрактных идей означает возможность замены языковых знаков, которые могут изменить смысл. Искажением считается случай, когда при замене языковых знаков подменяется денотат, предмет, соответствующий образу или понятию.

Г. Мирам отмечает, что до революции, когда читатель был менее массовым и, соответственно, более образованным, французские и немецкие фразы достаточно часто встречались в произведениях русских писателей, и никто не думал их переводить. В советский период “закрытого общества” знание иностранных языков было более редким явлением и иностранные фразы стали давать в переводе в виде сносок внизу страницы. В какой-то мере это решало задачу более точной передачи образов и стиля оригинала. Однако существует мнение, что, чем меньше примечаний в переводе художественного текста, тем лучше перевод и переводчик. Применительно к художественному переводу нежелательны примечания, а в научном и техническом переводах примечания желательны и обязательны, если они проясняют смысл термина, сокращения или ссылки на авторство. При переводе философских текстов без примечаний в переводе бывает довольно сложно понять переводимый текст. Интересно заметить, что по отношению к текстам аналитической философии (которые считаются одними из наиболее сложных для понимания) можно встретить значительно меньше примечаний переводчика, хотя именно такие тексты и нуждаются в примечаниях в большей степени [5; 8; 9].

При переводе художественных текстов слова другого языка в тексте оригинала довольно часто не переводятся, так как они несут в себе определенную стилистическую нагрузку, передавая либо местный колорит, либо особенности речи персона-

жа. Отсылка к иноязычному понятию в философском тексте может подчёркивать многозначность и сложность выбора значения при переводе. Термин в пределах текстов, относящихся к данной научной или технической сфере, может иметь только прямое и, как правило, одно-единственное значение. Термин не следует переводить вольно или описательно – он должен иметь один стандартный эквивалент. В целом, при переводе художественных и философских текстов происходит неизбежная потеря информации, поскольку различия в культурных и языковых традициях, различия в системе образов и понятий автора текста и переводчика неизбежно приводят к потере или замене присущих оригиналу коннотаций и ассоциаций. Технический же перевод вообще не допускает информационных потерь [10].

В лингвистической теории перевода выделяют два основных подхода к переводу: трансформационный и денотативный (интерпретирующий). Трансформационный перевод выполняется в виде последовательной трансформации текста в текст на основе словарных эквивалентов и грамматических соответствий с опорой на содержание. Согласно денотативному подходу, перевод – это прочтение исходного текста, уяснение его содержания и изложение (интерпретация) содержания средствами языка перевода. Начинающему переводчику рекомендуется придерживаться трансформационного подхода, даже жертвуя стилистической аутентичностью. Он не имеет права вольно передавать содержание [3; 6; 7; 11]. Таким образом, эти подходы различаются по степени соответствия оригиналу. Если для естественнонаучной литературы, официальных деловых общественно-политических текстов, дипломатических текстов и т. п. типичен трансформационный подход, то для художественных и философских текстов (как аналитических, так и выразительных) неизбежен выбор денотативного подхода. Это обусловлено тем, что официально-деловые тексты стереотипны по форме, т. е. их обращения, зачины, последовательность изложения, концовки в каждом языке подчиняются строгим правилам риторики и избылируют язы-

ковыми штампами. И, хотя языковые штампы могут отличаться по своей внутренней форме, они должны совпадать по содержанию. Если в европейских языках высока культура и стандартизация письменной переписки, то в современном русском и украинском языках гораздо меньше устоявшихся риторических штампов. Поэтому при переводе иногда приходится прибегать к дословному изложению. Прием дословного перевода нередко используется в дипломатических документах, где каждое слово особо значимо. Аналогичным образом, для газетных и журнальных публикаций, как правило, характерно использование значительного числа привычных клише, стереотипных фраз, газетных штампов, политических терминов и понятий и т. п. В некоторых публикациях журналистами используются оценочные слова, обыгрываются жаргонные и просторечные слова и выражения. В этом случае переводчику во имя сохранения жанра приходится “корректировать” стиль подлинника под газетно-журнальный стиль языка перевода: производить различные синтаксические трансформации рематематического характера, подыскивать устоявшиеся в языке перевода соответствия. Все это свидетельствует о том, что у таких переводов соответствие оригиналу также относительно, но степень его близости к оригиналу более высокая, чем при устном переводе и при денотативном подходе к переводу. Благодаря подобным трансформациям переводы часто оказываются многословнее оригинала.

Соответствие оригиналу при переводе естественнонаучных текстов зависит от степени их формализации. Переводы некоторых трудов по математике, химии или биологии, состоящие из стереотипных фраз, которые вводят соответствующие формулы, оказываются почти тождественными оригиналу. При переводе научных трудов главное – передать мысль, логику мысли, суть научной доктрины, последовательность рассуждения. Для этого нередко приходится в переводах менять синтаксический строй фраз оригинала, снижать эмоциональную тональность, если она есть в оригинале. Иногда уровень соответствия в переводах

специальных трудов снижается за счет описательной трактовки терминов или даже неточностей в их понимании. В переводческих школах западных университетов введены курсы терминологии по избранной специализации. Но и они не спасают от ошибок, особенно в сфере гуманитарных наук.

Итак, уровень соответствия переводов научной литературы обусловлен некоторыми грамматическими трансформациями, логическими и терминологическими уточнениями и разъяснениями, которые зависят от характера научного труда и прагматических требований к переводу [13]. В художественном переводе (особенно стихотворном) есть свои особые законы эквивалентности оригиналу. Перевод может, как уже говорилось, лишь бесконечно сближаться с подлинником. Художественный перевод порождается подлинником, зависит от него, но в то же время обладает относительной самостоятельностью, так как становится фактом переводящего языка. Не только оригинал и перевод различаются характером осмысления, социальным значением и репутацией, но и разноязычные переводы одного и того же литературного источника. Но есть и другие причины относительной эквивалентности художественного перевода подлиннику. Они вызваны своеобразием восприятия оригинала переводчиком, разнотематностью языков, различиями социокультурной среды. Проявляется и индивидуальность переводчика, определяемая его художественным восприятием, талантом, своеобразием отбора языковых средств. Эти обусловленные индивидуальностью переводчика черты не имеют никакого отношения к авторскому стилю оригинала, не соотносятся непосредственно с текстом подлинника. Их парадокс в том, что они нежелательны, но неизбежны. Это элементы *переводческого стиля*. Несмотря на стремление переводчика воссоздать (воспроизвести) как можно полнее содержательную, эмоционально-экспрессивную и эстетическую ценность оригинала и добиться равновеликого с оригиналом воздействия на читателя, ему, переводчику, можно рассчитывать лишь на относительное соответствие художественного перевода тексту оригина-

ла. Различия в воздействии оригинала и перевода на читателя будут еще большими. Перевод религиозных текстов связан со сложившейся традицией воссоздания сакральных произведений, для которой характерны использования богословской терминологии, устоявшихся оборотов и штампов, архаизация текстов, интерпретация символов, аллюзий, введение во многих случаях буквализмов, обусловленных боязнью исказить священный текст и т. п. Эти факторы приводят к различиям в текстах оригинала и перевода и относительного соответствия оригинального и переводного текстов [14].

В связи с вышерассмотренным сравнительным анализом типов переводных текстов, а также различных лингвистических подходов к упомянутым текстам, можно сделать вывод, что перевод философского текста требует максимально широкой эрудиции переводчика. Философский текст в зависимости от своего типа (аналитического либо выразительного) предполагает знания и практические умения работы с текстами формализованного характера (например, таковыми являются тексты по логике), аналитическими текстами, либо с текстами поэтическими. Специфика философского текста такова, что требуется *активизация коммуникативного сознания переводчика, т. е. он сам внутренне активно коммуницирует с другими типами переводческих текстов*. Таким образом, эрудиция переводчика должна заключаться и в знании “чужого” материала (скажем, истории философии), и в знании теории и практики перевода, что является трудновыполнимой задачей. Исходя из этого, проблема адекватности перевода в современном культурном поле представляет важную задачу и должна выступать предметом дальнейших критических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.С. Введение в переводоведение / В.С. Виноградов. – М. : Изд.- во ИОСО РАО, 2001. –

215 с. 2. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике : сборник статей ; пер. с англ., нем., франц. Вступ. статья и общ. ред. перевода В.Н. Комиссарова. – М. : Междунар. отношения, 1978. – 232 с. 3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М. : Высш. школа, 1990. – 253 с. 4. Мамардашвили М.К. Современная европейская философия / М.К. Мамардашвили // Логос. Филос.-лит. журнал. – № 2. – М., 1991. – С. 109-130. 5. Мирам Г. Переводные картинки. Профессия – переводчик / Г. Мирам. – К. : Энга Ника-центр, 2001. – 333 с. 6. Никоненко С.В. Проблема перевода англоязычных философских текстов // Альманах молодых философов [Электронный ресурс] / С.В. Никоненко. – Режим доступа : http://www.anthropology.ru/ru/texts/nikonenkos/vita04_15.html. 7. Попович А. Проблемы художественного перевода / А. Попович ; пер. со словац. И.А. Бернштейн и И.С. Чернявской. – М. : Высш. шк., 1980. – 199 с. 8. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы / Б. Рассел ; пер. с англ. Н. Воробьева. Общ. ред., сост., вступ. ст. А. Грязнова. – М. : Терра – Книжный клуб; Республика, 2000. – 464 с. 9. Рассел Б. История западной философии. В 3 кн.: 2-е изд., исп. / Б. Рассел ; подгот. текста В.В. Целищева. – Новосибирск : Изд-во Новосибир. ун-та, 1999. – 815 с. 10. Рябцева Н.К. Новый словарь-справочник активного языка “English for Scientific Purposes” / Н.К. Рябцева. – М. : Флинта, Наука, 1995. – 177 с. 11. Тейтельбаум Е.С. Философия перевода: попытка построения чистой теории [Электронный ресурс] / Е.С. Тейтельбаум. – Режим доступа : [http://www.proceedings.usu.ru/?base=mag/0048\(04_02-2007\)&xsln=showArticle.xslt&id=a02&doc=../content.jsp](http://www.proceedings.usu.ru/?base=mag/0048(04_02-2007)&xsln=showArticle.xslt&id=a02&doc=../content.jsp). 12. Федоров А.В. Основы общей теории перевода / А.В. Федоров. – М. : Высш. школа, 1983. – 305 с. 13. Хома О. Термінологія Ляйбніца як “живе дзеркало” української філософської термінології / О. Хома // Філософська думка. Український науково-теоретичний часопис. – № 4. – К. : Видавничий дім “Академперіодика”, 2008. – С. 56-80. 14. Waard J. From One Language to Another (Functional Equivalence in Bible Translating.) / J. Waard, E. Nida. – Nashville, Camden, New York : Thomas Nelson Publishers, 1986. – 269 p.